

вляют координацию профилактической деятельности в подведомственных органах и организациях; обеспечивают взаимодействие субъектов профилактики и лиц, в ней участвующих; формируют и представляют в уполномоченный Правительством РФ орган статданные о профилактике правонарушений; осуществляют профилактику в форме правового просвещения и информирования; осуществляют иные полномочия в данной сфере.

Исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляют нормативно-правовое регулирование данной сферы; разрабатывают и принимают меры по реализации государственной политики в данной сфере на территориях субъектов; обеспечивают взаимодействие субъектов профилактики и лиц, в ней участвующих; создают координационные органы; утверждают и контролируют исполнение бюджетов в части расходов на профилактику; осуществляют профилактику в форме правового просвещения и информирования; социальной адаптации; ресоциализации; социальной реабилитации; помощи лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми; осуществляют иные полномочия (ст. 11 Закона).

Органы местного самоуправления в пределах своей компетенции принимают правовые акты в данной сфере; создают координационные органы; принимают меры по устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений; обеспечивают взаимодействие лиц, участвующих в профилактике правонарушений, на территории муниципального образования; осуществляют

профилактику правонарушений в таких формах, как правовое просвещение и правовое информирование; социальная адаптация; ресоциализация; социальная реабилитация; помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми; реализуют иные права (ст. 12 Закона).

Полномочия органов прокуратуры и Следственного комитета в рассматриваемой сфере регламентируются законами об их деятельности.

Для обеспечения реализации государственной политики в сфере профилактики правонарушений и координации деятельности в указанной сфере создаются межведомственный, ведомственные и региональные координационные органы. Положение о межведомственном координационном органе и его персональный состав утверждаются Правительством РФ. Порядок создания региональных и муниципальных координационных органов определяется нормативно-правовыми актами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Мониторинг в сфере профилактики правонарушений проводится субъектами профилактики в пределах их компетенции. Порядок его проведения устанавливается Правительством РФ.

Надеемся, что принимаемые государством организационно-правовые меры приведут к нормализации криминальной обстановки в стране.

¹ Состояние преступности в России в 2015 году. М.: ГИАЦ МВД РФ, 2016.

² Состояние преступности в России за январь-июнь 2016 г. М.: ГИАЦ МВД РФ, 2016.

Судакова Т.М.,

кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный
университет (г. Иркутск)

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В ДЕТЕРМИНАЦИИ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

К вопросам осуществления антикоррупционного просвещения граждан обращаются представители самых разных

наук. Сложносочлененный характер самой проблемы – противодействие коррупции как правонарушающему поведе-

нию на уровне формирования в массовом сознании (психологии) граждан ценностных установок по невосприятию коррупционного поведения как нормы – предполагает участие в ее разрешении и психологов, и правоведов, и конфликтологов, и криминалистов. Кроме того, крайний вариант сознательного отношения граждан к проблеме коррупции, характеризующийся наличием деформаций нравственного и правового сознания в их конкретном преломлении и отражающий толерантность массового сознания к возможности коррупционных отношений, выступает мощным криминогенным фактором.

В детерминации современной преступности в России деформации нравственного, правового сознания граждан играют одну из ключевых ролей, выступая в качестве сопричин в ее причинном комплексе. Это общеизвестный криминологический постулат, требующий осмысления применительно к конкретным, срезовым уровням таких деформаций.

Коррупционное сознание следует рассматривать как комплексную категорию, поскольку оно включает в себя суждения, взгляды, представления и иные психологические категории, отражающие готовность граждан к решению личных вопросов и проблем путем подкупа обладателей публичных полномочий. Этот вид деформаций понимается как толерантность общества к коррупции, готовность стать участником коррупционных отношений в случае возникновения такой ситуации со стороны корруптера. Им корреспондирует и соответствующая готовность носителя публичных полномочий вступить в коррупционные отношения, оцениваемая и воспринимаемая потенциальными участниками «двухсторонней» сделки как норма взаимоотношений, естественное и разумное правило поведения.

Данные деформации подкреплены и незначительным (не очень высоким) риском быть выявленным и привлеченным к ответственности.¹

Наличие таких искажений прежде всего выступает социально-психологической детерминантой коррупционных отношений. Вместе с тем этот вид спе-

цифических деформаций является, как известно, лишь элементом всей структуры деформированного нравственного и правосознания российских граждан современного этапа, характерными особенностями которого является бездуховность, крайний эгоцентризм, преобладание частнособственнических стремлений, индивидуализм, повсеместная корыстная мотивация.

Многочисленные исследования таких проявлений деидеологизированного массового сознания россиян, проводимые в течение последнего десятилетия, не показывают, к сожалению, серьезных сдвигов и позитивной динамики в данном аспекте, несмотря на все предпринимаемые сегодня государством и институтами гражданского общества усилия.²

Основные институциональные проявления искаженного сознания в восприятии коррупции остались прежними. Этот факт подтверждается и результатами авторского социологического исследования. Среди опрошенных граждан 59% респондентов на вопрос о допустимости решения личных проблем с помощью коррупционных отношений ответили, что готовы вступить в них и выступить инициатором, «поскольку иначе невозможно их решить», «по-другому не получается», «иногда допустимо» и т.п. Респондентами выступили студенты возрастной категории от 25-35 лет, получающие заочно магистерское образование. Все опрошенные имеют высшее образование, работают преимущественно в сфере госслужбы (80%), не менее 2% из них являются сотрудниками полиции. Таким образом, они рассматривают коррупцию как полезное, или невредное, но вполне допустимое явление для решения личных вопросов. Стереотипы в этом аспекте не изменились.

Безусловно, вполне осознанным обстоятельством следует признать факт того, что позитивной динамики в этом ключе следует ожидать в лучшем случае в отдаленной перспективе. Для изменения ситуации необходима не просто системная комплексная стратегия воздействия на психологию российских граждан, необходим устойчивый, стабильный, ак-

тивный, целенаправленный процесс формирования культуры осознанного однозначного отрицания узколичностных подходов к коррупции, осознания пагубности коррупционных механизмов.

Это важнейшая проблема преодоления деформированных социально-психологических механизмов, требующая многолетних усилий. В ином случае вся система антикоррупционной стратегии и политики, реализуемая сегодня многочисленными субъектами, будет иметь нулевой потенциал.

В данном аспекте комплексный механизм антикоррупционного просвещения как одно из неотъемлемых, имманентно присущих звеньев системы антикоррупционной политики должен играть направляющую роль, служить инструментом и одновременно индикатором эффективности усилий по противодействию коррупции.

Понятие антикоррупционного просвещения не является новым для юридической и криминологической теории. Действующая система законодательного обеспечения коррупции, не раскрывая данное понятие, рассматривает вполне обоснованно антикоррупционное просвещение как одну из форм предупреждения коррупции, направленную на формирование в обществе нетерпимого отношения к этому явлению, популяризацию антикоррупционных стандартов поведения.

Антикоррупционное просвещение является элементом правового просвещения в целом и направлено на формирование в общественном сознании высокого уровня правовой культуры населения, традиций безусловного уважения к закону, суду, органам правопорядка, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения.³

Многочисленные научные подходы к понятию антикоррупционного просвещения сводимы в целом к его пониманию как деятельности субъектов государственной антикоррупционной политики по распространению любым способом, в любой форме с использованием любых коммуникативных средств достоверной информации в отношении неоп-

ределенного круга лиц, направленной на формирование антикоррупционного мировоззрения.⁴ Возможность его формирования находится в двух плоскостях – антикоррупционная пропаганда и антикоррупционное образование.

Технологии антикоррупционного просвещения достаточно разнообразны, опыт их практической реализации присутствует в зарубежных моделях и описан в научной литературе.⁵

В России практическая реализация антикоррупционного просвещения находится в стадии формирования. При этом на правовом уровне сегодня отсутствуют конкретные формы и методы антикоррупционного просвещения граждан, как и описание их содержания. Уяснение их смысла и основных компонентов, а также всего механизма воплощения в жизнь – необходимая предпосылка эффективности. С учетом российской специфики нравственного состояния общества этот механизм должен быть последовательным и конкретизированным в пространственном и временном срезе, с четкой регламентацией на законодательном уровне, с ответственностью субъектов за нарушение или неисполнение прописанных технологий.

Индикаторами же успешности его реализации должен стать регулярный мониторинг независимыми структурами, с применением комплексных научных методик, уровня восприятия проводимых пропагандистских и просветительских программ.

Отсутствие стабильных, на постоянной основе осуществляемых мер просветительского характера, их непоследовательность, формализм в реализации, незаинтересованность субъектов в достижении конкретных прикладных целей будут выступать деструктивным фактором антикоррупционной политики. В системе причинности преступного коррупционного поведения недостатки антикоррупционного просвещения займут место одной из многочисленных детерминант. В этой связи активизация усилий научной общественности, субъектов реализации государственной антикоррупционной политики, реализуемых потенциал антикоррупционного просвеще-

ния, обладают антикриминогенным потенциалом.

¹ Степанова И.Б. Нравственно-психологические детерминанты коррупции // Научный поиск. 2015. № 1.5. С. 45-47.

² Абрамов Р.А. Вопросы формирования антикоррупционного мировоззрения в обществе // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 2 (30). С. 180; Гомонов Н.Д. Коррупция как криминологический феномен // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 10. С. 116.

³ Гармаев Ю.П., Попова Е.И. Организация антикриминального и антитеррористического

просвещения в Крымском федеральном округе // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 2. С. 270-279.

⁴ Кабанов п. А. Антикоррупционное просвещение как средство противодействия коррупции: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 42-51.

⁵ Бутков А.В. Зарубежный опыт повышения уровня антикоррупционного правосознания граждан // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1 (33). С. 225-232.

Топильская Е.В.,

кандидат юридических наук
Северо-Западный филиал
Российского государственного
университета правосудия
(г. Санкт-Петербург)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Современная российская организованная преступность представляет серьезную опасность для экономики, а значит, и для обороноспособности страны. С начала XXI в. зафиксирован отход организованной преступности из зоны мелкого бизнеса, в настоящее время организованная преступность контролирует примерно 40% бизнеса, причем «контроль», с целью извлечения незаконных доходов, осуществляется выборочно: организованную преступность больше не интересуют не только мелкие предприятия, но и крупные объекты хозяйствования, однако затратные, требующие больших вложений для развития производства. В течение последних 10-15 лет сокращается виктимологическое пространство интернирования и нарастает интенсивность организованной преступной деятельности, увеличивается степень важности объектов криминальных интересов.

Еще в 2006 г. Генеральный прокурор РФ Ю.Я.Чайка обратил внимание на распространение влияния организованной преступности на предприятия топливно-энергетического комплекса в Уральском и Приволжском округах, лесного – в Сибирском, рыбной отрасли – в

Дальневосточном и Южном: «Например, по оценкам МВД России, организованная преступность в топливно-энергетическом комплексе внедрилась везде – от скважин и бензоколонок до крупных нефтяных компаний»¹. Сегодня наиболее криминализированными сферами экономики являются внешнеэкономическая деятельность, финансово-кредитная система, потребительский рынок, лесная и рыбная отрасли. Однако, несмотря на имеющиеся предпосылки к росту, количество зарегистрированных преступлений в сфере экономической деятельности с 2010 г. стабильно снижается и в 2016 г. сократилось на 3,5% (до 28,9 тыс.)². При этом стремительно возрастает опасность экономической преступности. В 2010 г. удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений экономической направленности составлял 47,9%, за 5 лет он возрос до 62,6%, на фоне неуклонного снижения количества расследованных уголовных дел об экономических преступлениях, направленных в суд, при том, что в 2010-2011 г. суда достигало не более 61% дел, а к 2015 г. – не более половины дел (49%). Количество расследованных дел снижается отчасти из-за введения в